

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

Фемининность русского языка и культуры

© кандидат филологических наук О. А. Бурукина, 2000

Языки, национальности, национальные культуры, национальный характер, национальное сознание и самоосознание, — эти явления обуславливают этнографическое многообразие человечества и полиморфизм культур, сложившихся под влиянием многих факторов, основополагающим среди которых является, безусловно, гендерный. В последнее десятилетие с развитием феминистской лингвистики широко развернулись гендерные исследования. Понятие “гендерный” было введено в социологический обиход именно теоретиками феминизма, подчеркивающими необходимость рассматривать не опыт пола, но опыт рода, соотношенный с культурно-психологическими характеристиками, зачастую совпадающими с их культургенетической интерпретацией [7: 142]. Явление гендера, исследуемое в разных областях наук, по-разному определяется и описывается. В социологии, а также в западной лингвистике понятие “гендер” обозначает социокультурный пол, имеет институциональный характер и отражает тот факт, что человек является не только биологическим, но и социальным существом. В отечественной лингвистике гендер понимается в основном как отражение в языке культурных и социальных стереотипов поло-ролевой дифференциации [2: 238]. Явление гендера, отражающее испокон веков существующую дихотомию человечества, не могло не повлиять на особенности человеческого сознания и мышления, языка и культуры. Так, гендерная обусловленность сознания и мышления проявляется в нетождественном восприятии мира мужчинами и женщинами, стремлении первых в большинстве своем познать и покорить его либо понять и переделать, а последних — прочувствовать и найти отклик на собственные чувства, накладывается на разнообразные языковые картины мира и неконгруэнтное деление и восприятие окружающей действительности представителями разных национальных общностей. Гендерная дихотомия мышления¹ выражается в якобы присущей мужчинам лапидарности слога и стиля, лаконичности умозаключений, ясности изложения и четкости формулировок, что каса-

¹Гендерные, бинарные и дуальные аспекты тесно переплетаются в истории мировой культуры: инь — ян, манихейство, гностицизм, Король и Королева алхимии, материя — дух Р.Декарта, тезис — антитезис Г.В.Ф.Гегеля, сознательное — бессознательное З.Фрейда и т.д. Дуализм (биполярность) формальных и других характеристик, а также интеллектуально-психологических установок нашли свое отражение в дихотомиях, предложенных В.ф.Гумбольдтом для языкознания, Г.Вельфлиным для искусствознания, П.Чаадаевым, В.Муравьевым, К.Юнгом и М.Бубером для культуры в целом [7: 145].

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

ется женщин, тут вроде бы доказано, что их суждения отличаются иррациональностью, размытостью и нечеткостью, для них характерны многословие, многообразность, усложненность и сбивчивость повествования [1].

Гендерная маркированность языка и культуры¹ проявляется не только в глобальном создании “фемининных” и “маскулинных” миров и культур и гендерного деления стран и народов. Гендерный фактор стал интегральной частью социально-культурных детерминант, обуславливающих национальную специфику мировоззрения и мировосприятия. Очевидно, что и национальный язык, в силу тех или иных культурологических, социальных и прочих причин, представляет собой двойственную совокупность, к тому же гендерно маркированную. Гендерная обусловленность языка и культуры сказывается в национальных особенностях макро- и микрокосмоса: в типе диалога Небо-Земля в данном национальном мире, в складе антропоса, в типе жилища (изба, сакля, юрта) и его символикe. По мнению Г. Д. Гачева, он выражается даже в фонетике языка. Язык ведь есть голос местной Природы, и его звучность – в резонансе с акустикой местного Космоса, которая в горах иная, чем в степи или лесу... Так что и звуки языка делимы на мужские и женские... [2: 137].

Фемининность русского языка проявляется в совокупности черт и характерных признаков. Не затрагивая в данной статье гендерное соотношение “мужских” и “женских” звуков, можно сказать, что как “фемининная сущность” русский язык проявляет себя не только и не столько в огромном количестве имен существительных женского рода или совпадающих с ними по форме. Хотя, если характеризовать языки, имеющие выраженную категорию рода, с точки зрения количественного преобладания в них имен женского рода и имен, формально совпадающих с ними по форме, русский язык, несомненно, будет охарактеризован как “фемининный” — даже слово “мужчина” по форме совпадет в нем со словом “женщина”, а слово “юноша” — со словом “девушка” и т. п. Само овладение тем или иным языком происходит в преломлении через ту или иную гендерную призму. Так, постижение русского языка преломляется через призму “фемининности”. Освоение его русскими

¹Например, Франция, в понимании французов, — женщина, да не просто, а “douce France” — “сладкая Франция”, возлюбленная, “old merry England” — тоже фемининна, но по-своему: она очень напоминает престарелых английских королей с их железной волей, мужской хваткой, гипертрофированным чувством долга перед своим народом и доминирующим положением по отношению к другим нациям. Между различными странами также можно выявить гендерные отношения: Германия — мужчина по отношению к России (да и, пожалуй, всей Восточной Европе), Северная Америка — по отношению к романской Южной, Китай — к Индии и т.д. [2: 139]

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

детьми начинается с наивного убеждения в том, что все имена в нем – женского рода, поскольку в русском языке отсутствует “переходный, детский язык”, как, например, в английском (со специфическими окончаниями – удвоенная согласная или две согласных +у: Mummy, Daddy, Granny, Nanny, Teddy-bear, Letty, Sally, Dolly и т.д.). Русский ребенок, первые слова которого “мама”, “папа”, “баба”, “деда”, “мишка”, “зайка”, убежден, что все они женского рода, поскольку они четко совпадают по форме и сфере употребления. Поэтому для русского малыша словосочетания “моя папа” и “моя деда” также органичны и логичны, как и “моя мама”, “моя баба”, “моя [зая]” и “моя [мика]”. Интересно, что русскоязычные дети часто заменяют существующие в языке имена мужского рода на “имена собственного изобретения” именно женского рода. Так, [тоба] или [тобося] малышу кажется естественней и понятней, чем “автотбус”, а [тавая] – чем “трамвай”.

Гендерно маркированными в русском языке и менталитете оказываются в большинстве своем и ассоциации, входящие в состав коннотативных полей¹ лексических единиц. Хотя в сознании носителя, например, английского языка большинство фитонимов и зоологизмов вызывают определенные ассоциации и даже ассоциативные ряды, в большинстве своем они (особенно фитонимы) гендерно нейтральны, кроме, пожалуй, “rose”/ “розы”, “lime”/ “липы” и “magnolia”/ “магнолии”, и то гендерная обусловленность ассоциаций в данных случаях скорее не прямая, а опосредованная. В русской культурно-языковой традиции, напротив, что ни имя, то гендерно обусловленные импликации и ассоциации: береза, клен, ива, рябина, верба, ромашка, незабудка, колокольчик, василек, ландыш, — гендерно маркированные образы этих лексем неотделимы от русской культуры и литературной традиции. Русский лес живой: мужской и женский, со своей иерархической структурой (в том числе и социально-половой), да и виды его разные: бор и роща, осинник и ельник, ивняк и ольшанник. В германском (в частности, в немецком и английском), а также в скандинавском фольклоре лес тоже живой, но он населен всякими сказочными существами, живыми и “нежитью”: гномами, троллями, муми-троллями и прочими наземными и подземными обитателями народных и авторских литературных произведений. Сам же

¹Под коннотативным полем понимается совокупность вербальных и невербальных ассоциаций, импликаций и чувств, возникающих в сознании индивидуума при восприятии им (зрительном, слуховом и пр.) той или иной лексемы. В зависимости от количества возникающих ассоциаций и импликаций коннотативные поля бывают узкие и развернутые. Явление развернутости коннотативного поля обусловлено рядом факторов, таких как традиционно-исторический, семантико-омонимический, семантико-оценочный, психолингвистический. Детерминирующим является гендерный фактор, особенно в синтетических языках с выраженной категорией рода.

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

по себе германский и скандинавский “лес” как бы нейтрален, в отличие от славянского и в частности русского. В английском или шотландском лесу могут расти “плохие” деревья и травы в местах, где водится нечисть, но в остальном он безучастен к происходящему в нем. В славянском же лесу (в частности в русском) все иначе: на помощь попавшим в беду героям приходят не только Серый Волк и ежик, но и яблонька “с дикими яблочками”, речка “с кисельными берегами”, печка “со ржаными пирожками” и др. Кстати говоря, все это образы фемининные, в то время как гуси, кот (а вовсе не кошка) – помощники Бабы-Яги — маскулинны. Русский лес настолько живой и гендерно детерминированный, что даже грибы в нем – представители разных полов, занимающие определенное социальное положение, проявление ярко выраженного социального гендера. Так, в русской сказке “Война грибов” есть “Трибборовик”, “грузди-ребята дружны”, “опенки-ноги тонки”, “волнушки-старушки” и т. д.

Для русской культуры скорее характерен дуализм, но не дихотомия¹, поскольку ее фемининность не агрессивна, не требует безоговорочного подчинения и иерархической классификации.

В словаре В. Даля четыре слова – муж, жена, пол, род – как бы концентрируют смысловые особенности гендерной проблематики в их конкретной русскоязычной специфике и наднациональной культургенетической общности. В русском фольклоре, как впрочем, и в традиции большинства европейских национальных культур, муж (мужчина) обычно символизирует *левое*, а жена (женщина) – *правое*: “правая бровь чешется, кланяться мужчине, левая – женщине” (народное поверье); “мужичок, или мужчинка” – так называется левый сошник косули, служащий отрезом, а правый – “женка” – отворачивает пласт. Муж символизирует выходящее или направленное во вне, внешнее, *экзотерическое, экстравертное*, а женщина – входящее или направленное внутрь, внутреннее, *эзотерическое, интравертное*: “муж да собака всегда на двор, а баба да кошка завсегда в избе”, “едет женина родня – растворяй ворота, едет мужская родня – запирай ворота!” [7: 142]. При этом концепт “женское” вовсе не считается “худшим” или “менее важным”, скорее наоборот, ассоциации, входящие в его коннотативное поле, в большинстве своем – положительные, в отличие от многих западноевропейских культур, что также можно считать проявлением фемининности русской культуры и русского менталитета. Фемининность русского языка и

¹Дуализм – философское учение, исходящее из признания равноправными двух начал – духа и материи, идеального и материального. Дихотомия – способ классификации путем разделения на пары “соподчиненных” элементов (подклассов, подмножеств и др.) [6: 402, 418].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

культуры обуславливает и русского национального характера как совокупности психологических черт, присущих большинству людей данной национальности и проявляющихся в особенностях поведения и отношении к окружающей действительности. Так, душа русская – нараспашку, широкая и открытая, русский человек гостеприимен и великодушен, любопытен и непоследователен. Даже стратегия русских войн – от охоты России-бабы на чужеземца. Она его приманивает (поляка, француза, немца), затягивает в глубь себя. Если германская тактика – “свинья”, “клин”, то русская – “котел”, “мешок”. Еще в “Слове о полку Игореве” битва как свадьба видится, как смертельное соитие [2: 138].

Русские (и мужчины, и женщины) относятся к родной стране как к матери (Родина-мать, Матушка-Сыра Земля, Матушка-Русь), почитая ее и дорожа ею, посмеиваясь над ее слабостями, но смех этот скорее горек, чем зол. На Руси сильны традиции, былины, сказы. Русскому человеку нелегко расстаться с Родиной, променять ее на “чужую сторону”. Хоть и легок он на подъем, да “Мать-Сыра Земля не пушает”.

Таким образом, на основе выше изложенного можно сделать выводы о том, что русский язык и культура, русский менталитет в целом характеризуются значительно большей гендерной обусловленностью, проявляющейся в четко выраженной фемининности данных явлений, определяющих особенности русского национального характера, самосознания и самоосознания.

Л и т е р а т у р а

1. *Буруккина О. А.* Гендер в переводе: проблема трансформации менталитета // Материалы Международной научной конференции “Женщины России”. – Иваново, 2000. (В печати.)
2. *Габриэлян Н. М.* Пол. Культура. Религия // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996. М., 1996.
3. *Гачев Г. Д.* Национальный Эрос в культуре // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996.
4. *Горошко Е. И., Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике сегодня // *Гендерные исследования*, № 2 (1/1999). М., 1999. – 297 с.
5. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
6. *Чучин-Русов А. Е.* Гендерные аспекты культуры // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996.